

ОСИНА

Шли тучи над горной грядою,
Шли низко, клубясь меж стволов.
И близкою пахло грозою,
Дымом грядущих костров.

Надвинули сосны забрала,
И мышцы дубов напряглись.
Осина одна задрожала,
Когда к ней приблизилась высь.

Паническим страхом объята,
Рванулась в долину с горы,
Но корни вернули обратно
Смерч листьев, извивы коры.

Она замерла на мгновенье,
Но клубы тумана пришли.
И вновь вихревое круженье,
Живое рыданье души.

И мощь грозового накала
Сошла, словно рябь по воде,
Там, где осина дрожала,
По-детски противясь беде.

Темнеет снег, деревья дышат,
 Закрыла небо пелена,
 И сердце потрясенно слышит,
 Как оживает глубина.

Подземные проснулись воды,
 Вскипели сонные ключи,
 Сквозь мрак и тленье рвутся всходы,
 Как отраженные лучи.

Еще под спудом зреет сила,
 Не вырвался на волю хмель,
 А потрясенная могила
 Преобразилась в колыбель.

В ней все порыв, напор, стремление,
 Тугие движутся пласты.
 И древний подвиг воскресенья
 Проходят первыми цветы.

КОЛЫБЕЛЬ

Я сплету тебе люльку из ивовых прутьев,
 Разукашу корою березы плакучей,
 Чтоб не сбили с пути вековые распутья,
 Горизонт не закрыли ненастные тучи.

Видишь: ветки березы протянуты к дому,
 Слышишь: гнется лоза и ломаться не хочет,
 Постелю я на дно золотую солому,
 Чтоб тепло не забрали холодные ночи.

Просмолю коноплю и на месяц закину,
 Пусть качается люлька по звездному кругу,
 И пускай переходит от дочери к сыну,
 И от старшего внука к младшему внуку.

И поднимется род ради праведной цели —
 Пересилить беду, сохранить свои корни,
 Чтобы помнить — мы все из одной колыбели,
 Чтобы помнить...

ПУПОВИНА

Когда ребенок еще плод,
 Во мне играет и растет,
 Он видит мир из глубины —
 Светлы младенческие сны.

Он слышит мир издалека:
Звенит капель, поет река.
И все он чувствует со мной,
Но зрит еще и мир иной.

Когда я сплю, порой не спит,
И словно с кем-то говорит
На непонятном языке,
Я слышу звуки вдалеке.
То вдруг, забыв про мой живот,
Летит, я чувствую полет.

Когда ему подходит срок,
Я слышу времени поток.
Сгибают мощные леса
Живых и мертвых голоса.
И все народы, все века
В меня втекают, как река.

И давит тяжесть древних вод,
И опускается живот,
С водою мной прожитых лет
Дитя рождается на свет.
И пуповиной завязать
Должна всю память рода мать.

КРЫМСКАЯ СОСНА

Кто ведает какой ценою
На скалах достается жизнь?
Упрямой крымскою сосною
Обжита гибельная высь.

По склонам и отлогам горным
Она взбирается наверх.
Внизу лесов зеленых волны,
Где почва и вода для всех.

Одной ей ничего не надо,
Лишь этот голубой простор,
И за терпение награда —
Суровая поддержка гор.

И я смиряюсь понемногу,
От пестрой прелести земной
Душою устремляюсь к Богу
Вослед за крымскою сосной.

САПОГ

Егору Алексеевичу Овечкину

Не хватает старику бутылки.
Затянуло синий взгляд слезой.
Видит в ряд торчащие ботинки,
А тела присыпаны землей.

Догонял свой полк от переправы,
И среди на смерть обутых ног
Разглядел свой несчастливый, правый,
Кое-как залатанный сапог.

Видно, в спешке с другом поменялись.
Так и есть: два разных сапога!
И шальная накатила радость —
Средь убитых не его нога.

Он теперь один воюет с горькой,
И глядит: по лугу за окном
Друг идет с разбитою винтовкой
И его чиненым сапогом.

* * *

Посмотри, чем пасмурней, тем ярче
Лист березы на ветру горит,
И в осеннем просветленном плаче
Нет ни скорби тяжкой, ни обид.

Солнце нас не балует, и в стылость
Погружаясь чаще, чем в тепло,
Изнутри светиться научилось
Поле, сердце, тихое село.

Научились обходиться малым:
безграничной далью над рекой.
Не за то ли нищим и усталым
Был обещан Господом покой.

ПОДСНЕЖНИК

Народ наш постепенно оживает,
Подснежником среди сумрачных снегов.
И бабоньки, опомнившись, рожают
Себе на радость дочек и сынов.

Не юные беспечные мамыши,
А зрелые, что к бабушкам близки,

Теперь бойцами пополняют наши,
Разбитые политикой полки.

Уж вырастили старших и по-новой:
Пеленки, каши, сопли и горшки.
И от такой решимости бедовой
Про водку забывают мужики.

И семьи, что готовили к распаду,
Весенняя окутала теплынь,
Они лелеют юную рассаду
В местах уже намеченных пустынь.

ЦАПЛЯ

Терпенья последняя капля
В болоте российских обид.
Но совесть — болотная цапля
Над пустошью темной кричит.

Бредет по воде, как по суше,
Из пестрой земной шелухи
Хватает, как рыб и лягушек,
Со дна родовые грехи.

И в том виноваты, и в этом,
Чего же на Бога пенять?
И тьма озаряется светом,
И сходит с небес благодать.